

Бондарева В. В. Движение «красной охраны» в первые годы «культурной революции» в Китае (1966—1967): взгляд отечественных и зарубежных исследователей / В. В. Бондарева // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 346—366. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-346-366.

Bondareva, V. V. (2020). Red Guard Movement in the First Years of “Cultural Revolution” in China (1966—1967): View of Domestic and Foreign Researchers. *Nauchnyi dialog*, 8: 346-366. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-346-366. (In Russ.).

УДК 94(510).093

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-346-366

ДВИЖЕНИЕ «КРАСНОЙ ОХРАНЫ» В ПЕРВЫЕ ГОДЫ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В КИТАЕ (1966—1967): ВЗГЛЯД ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

© Бондарева Виктория Викторовна (2020), orcid.org/0000-0002-7316-1484, SPIN 9877-9800, Researcher ID E-1305-2015, кандидат исторических наук; доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный технологический университет» (Краснодар, Россия), lotus_blanc@mail.ru.

Анализируются первые годы «культурной революции» в Китае (1966—1967), характеризовавшиеся высокой революционной активностью студенческой и школьной молодежи, организованной в отряды «красных охранников» (хунвэйбинов), которые отличались в своих действиях крайней жестокостью и фанатизмом. С этой точки зрения в разрушительных действиях хунвэйбинов, носивших террористический и массовый характер, выделяется главное направление их революционного удара, который был нанесен по партийно-государственному аппарату Китая. Мао Цзэдун представлен как инициатор массового движения хунвэйбинов, использовавших чудовищные террористические методы борьбы с его оппозицией и всеми, с их точки зрения, не достаточно политически сознательными элементами. Движение хунвэйбинов, рассматриваемое в качестве инструмента борьбы Мао Цзэдуна с оппозицией, позволяет раскрыть в процессе исследования личностные качества вождя, который во имя утверждения собственного культа не побоялся сознательно ввергнуть в массовую и глубоко беспорядочную смуту всю страну. Детализация личного отношения Мао Цзэдуна к происходящему, производимая на основании документальных источников, позволяет вскрыть глубоко диктаторский и антидемократический характер его власти, утверждаемой в первые годы «культурной революции» при помощи движения хунвэйбинов.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика (КНР); Коммунистическая партия Китая (КПК); Мао Цзэдун; политическая оппозиция; ревизионизм; «культурная революция»; движение «красной охраны»; хунвэйбины; партийно-государственный аппарат; Народная освободительная армия Китая (НОАК).

1. Введение

«Культурная революция» (1966—1976) в Китае была сложным и противоречивым явлением, оказавшим сильнейшее воздействие на всю новейшую историю страны. На сегодняшний день в научно-исследовательской среде как отечественной, зарубежной, так и китайской, существуют различные мнения относительно оценки событий в Китае, происходивших во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х годов. Мнения отечественных, зарубежных и китайских исследователей относительно роли, сущности и хронологии «культурной революции» в Китае 1966—1976 годов были рассмотрены нами в работе, посвященной историографии этих событий [Бондарева, 2015, с. 24—29].

Следует отметить, что в самом Китае существуют не только отрицательные, но и положительные оценки «культурной революции» и, в частности, движения хунвэйбинов, несмотря на ярко выраженный разрушительный характер происходивших событий [Там же]. Так, например, согласно концепции Чжэн И, «культурная революция», начавшаяся с движения хунвэйбинов, была демократическим движением, великим народным восстанием во главе с Мао Цзэдуном, охватившим всю страну и направленным против того деспотического партийного строя, который сложился после 1949 года [Там же]. Составной частью этой теории является концепция полного оправдания всех действий и поступков, чинимых хунвэйбинами, развиваемая и другими китайскими авторами, в особенности публицистом Лю Гокаем, который в прошлом состоял в одной из организаций цзаофаней и теперь классифицировал их действия как выражение требований народных масс [Там же]. Однако следует заметить, что в Китае большинство историков и публицистов оценивают «культурную революцию» негативно (Ван Жуньнань, Си Сюань, Цзинь Чуньмин, Хэ Цзы и другие), подчеркивая ее разрушительные последствия и указывая на то, что она была насилием над демократией и правом.

Несмотря на явно преобладающий отрицательный тон в оценке роли и сущности «культурной революции», которая началась с движения хунвэйбинов, в самом Китае изучение ее событий затруднено в силу ряда причин (прежде всего ввиду нежелания критики Мао Цзэдуна), поэтому многие китайские авторы работали и издавали свои труды за рубежом (Ли Чжисуй, Су Шаочжи, Цзинь Чуньфэн, Ян Цзянци, Лу Син и др.) [Там же]. В частности, Ли Чжисуй, личный врач Мао Цзэдуна, эмигрировавший в США, о своих мемуарах под названием «Частная жизнь председателя Мао» в свое время сказал: «Я посвятил мою профессиональную жизнь Мао и Китаю, и вот сейчас у меня нет ни гражданства, ни дома; я никому не нужен на родине. Мои мечты стать нейрохирургом не сбылись, а надежды на новый

Китай перечеркнуты. Я заплатил за эту книгу своей жизнью» [Ли Чжисуй, 1996а, с. 384]. Согласно мнению профессора Колумбийского университета Эндрю Натана, «ни одна из биографий “великого кормчего” не является столь подробной и объективной, как мемуары доктора Ли Чжисуя», который показал, «как сочетание абсолютной власти с грандиозными и порой авантюрными идеями порождает величайшие преступления» [Ли Чжисуй, 1996а, с. 14]. Опубликованная в США работа Ли Чжисуя в Китае была воспринята негативно, его обвинили в предвзятости и искажении фактов, навсегда вычеркнув его имя из официальной истории КНР [Там же].

После провала «большого скачка» (1958—1960), инициированного Мао Цзэдуном, нанесшего серьезный ущерб экономике Китая и обернувшегося массовым голодом, в результате которого погибло 45 миллионов человек, авторитет вождя, основанный на вере в его непогрешимость, в народе и партии сильно пошатнулся [Meisner, 1977, p. 204—226; Leberhal, 1993, p. 87—147; Фан Сяо ...]. Выходом из создавшегося положения стала так называемая «великая пролетарская культурная революция» (1966—1976), которая под предлогом борьбы с ревизионизмом и врагами народа, сорвавшими «большой скачок», была призвана обеспечить разгром политических оппонентов Мао Цзэдуна («правое крыло» КПК) и укрепить его личную власть на фоне утверждения маоистского идеологического пространства. Одним из механизмов в устранении противников вождя в центре и на местах на начальном этапе «культурной революции» являлись хунвэйбины — многомиллионные отряды «красной охраны», сформировавшиеся из студенческой и школьной молодежи и отличавшиеся крайней жестокостью и фанатизмом в своей революционной борьбе во имя торжества «идей» Мао Цзэдуна.

2. Возникновение и развитие движения «красной охраны» в период «культурной революции» в Китае

В календарь «великой пролетарской культурной революции» день 18 августа 1966 года вошел как день рождения «красной охраны». Мао Цзэдун на этой встрече был провозглашен командующим хунвэйбинов, Линь Бяо — его заместителем, а Чжоу Эньлай вызвался быть советником [Елисеев и др., 1967, с. 4; РГАСПИ, ф. 495, оп. 225, д. 71, т. 4, л. 10—13]. В разговоре со своим ближайшим соратником Линь Бяо Мао Цзэдун сказал о хунвэйбинах («маленьких генералах революции», как он их называл) [Маоизм ..., 1980, с. 208; Усов, 2003, с. 358], что «... это очень большое движение», «оно поистине мобилизовало массы» и «имеет величайшее значение для революционизирования сознания людей всей страны» [Де-

люсин, 1967, с. 15]. Всего в рядах хунвэйбинов, которые, согласно исследователю Ф. М. Бурлацкому, были верной опорой Мао Цзэдуна в 1966 году, насчитывалось 25 миллионов [Бурлацкий, 1979, с. 135].

По свидетельству очевидца, болгарского дипломата и журналиста К. Босева, в тот день, 18 августа 1966 года, на самой большой в мире площади Тяньаньмэнь («Храм Небесного покоя») в Пекине на встрече с Мао Цзэдуном присутствовало около одного миллиона человек, среди которых подавляющее большинство составляли юноши и девушки до 20 лет «с глазами как у волков, которые видят и слышат добычу» [Босев, 1978, с. 122; Усов, 2003, с. 358]. Площадь Тяньаньмэнь и примыкающая к ней с востока улица были похожи на «ликующий людской океан» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 225, д. 71, т. 4, л. 10—13]. Почти у каждого в руках была красная книжечка с цитатами вождя, которую юные революционеры листали, выкрикивая: «Десять тысяч лет жизни нашему Мао-Чжуси (Главе Мао)» [Босев, 1978, с. 122; РГАСПИ, ф. 495, оп. 225, д. 71, т. 4, л. 10—13]. Повсюду в честь «великого вождя, великого полководца» и «великого учителя» звучала песня «В открытом море не обойтись без кормчего» [Делюсин, 1967, с. 15].

В действительности первые отряды «красной охраны» сформировались несколько раньше. Начало движения хунвэйбинов связывают с событиями 25 мая 1966 года, когда преподаватель философии Пекинского университета Не Юаньцзы выступила с жесткой критикой «буржуазной» университетской администрации и призвала молодежь сплотиться в борьбе с ревизионистами, «решительно, радикально, целиком и полностью» искоренить их «засилье и зловредные замыслы» [Xing Lu, 2004, с. 61]. Логическим продолжением этого призыва стало возникновение первых отрядов «красных охранников» (хунвэйбинов) и развитие молодежного народного ополчения в целом [Киссинджер, 2014, с. 214]. Миллионы школьников принялись рьяно выискивать буржуазных изменников, прежде всего, среди своих преподавателей и университетского руководства. В словах Не Юаньцзы была заложена настолько глубоко воздействующая сила и мобилизующая энергия, что восхищенный Мао Цзэдун распорядился зачитать по радио и опубликовать в партийной печати ее обращение [Xing Lu, 2004, с. 61], назвав его впоследствии на расширенном заседании постоянного комитета ЦК КПК от 4 августа 1966 года «Манифестом Парижской коммуны Китая 60-х годов XX столетия» [Выступление ..., 1976, с. 217; Маоизм ..., 1980, с. 205].

Призыв Не Юаньцзы и последовавшие за ним действия хунвэйбинов, весьма удачно вписывались в общую концепцию отношения Мао Цзэдуна к интеллигенции как особой социальной группе, классовый статус которой сложно поддавался определению, поскольку она занимала промежуточное

положение между буржуазией и рабочим классом. Несмотря на то, что в 1956 году на специальной конференции, посвященной интеллигенции, из уст Чжоу Эньлая прозвучал тезис о том, что она в своем большинстве является частью рабочего класса [Zhou Enlai, 1962, p. 128—144], в годы «культурной революции» интеллигенция была причислена к неблагонадежным элементам ревизионистского толка [His-sheng Ch'i, 1991, p. 126—127]. Особенным объектом критики стали гуманитарии, недоверие к которым в партийных кругах, усиливается отношением Мао Цзэдуна, проявилось еще за несколько лет до «культурной революции», в первой половине 1960-х годов [Goidman, 1973, p. 219—254].

Мао Цзэдун открыто выражал свою поддержку отрядам «красных охранников», бунтовавшим против «буржуазии, империалистов, ревизионистов и их приспешников», о чем, в частности, свидетельствует его письмо к хунвэйбинам средней школы при университете Цинхуа от 1 августа 1966 года, где он обращался к юным товарищам со словами: «Я горячо поддерживаю вас», и «выражаю горячую поддержку дацзыбао ..., в которой говорится, что бунт против реакционеров правомерен» [Выступления ..., 1976, с. 215]. По свидетельству Ли Чжисуя, эти «слова Мао были опубликованы в студенческих изданиях и моментально стали спланирующим лозунгом молодежи» [Ли Чжисуй, 1996, с. 196], тем более что именно к сплочению в движении «культурной революции» в своем письме и призывал Мао Цзэдун [Выступления ..., 1976, с. 215]. Обращение великого кормчего к «революционным учащимся» 18 августа 1966 года окончательно санкционировало создание «красной охраны», которая, по словам самого Мао Цзэдуна, должна была стать опорой культурной революции [Маоизм ..., 1980, с. 200—201]. Как отмечал в свое время Ф. М. Бурлацкий, «через каких-то несколько дней сотни тысяч юных участников организации буквально наводнили всю страну, объявив беспощадную войну “старому миру”» [Бурлацкий, 1979, с. 131]. Занятия на неопределенное время были прекращены, поскольку отныне хунвэйбины должны были согласно призыву Мао Цзэдуна «учиться революции, делая революцию» [Киссинджер, 2014, с. 214].

23 августа 1966 года в здании народного комитета Пекина (орган власти столицы) был создан Главный штаб связи хунвэйбинов, о чем свидетельствовала соответствующая вывеска, сменившая собой вывеску народного комитета. Работа здесь осуществлялась фактически круглосуточно (печатались прокламации, воззвания, листовки, различные инструкции), отсюда во все концы города спешили посланники хунвэйбинов. В этом же штабе была отпечатана и «декларация» (программа) хунвэйбинов, в которой провозглашались их основные задачи: «высоко нести великое красное

знамя идей Мао Цзэдуна», «безгранично и горячо любить председателя Мао, беспредельно преклоняться перед ним», «решительно защищать ЦК и председателя Мао» [Яковлев, 1981, с. 194]. Перед хунвэйбинами ставилась также и задача проведения «борьбы — критики — преобразования», то есть «борьбы против облеченных властью в партии и идущих по капиталистическому пути, критики буржуазной линии и преобразования старой идеологии, надстройки» [Там же].

«Декларацией» определялись порядок и условия приема в ряды «красных охранников», учреждалась нарукавная повязка. По свидетельству известного отечественного китаевода А. Н. Желоховцева, неоднократно бывавшего в Китае, «красными охранниками» могли стать только дети рабочих и крестьян, не относящихся ни к партии, ни к комсомолу, а также дети тех партийных работников, которые были сторонниками «культурной революции» [Желоховцев, 1973, с. 191]. Однако впоследствии в ряды хунвэйбинов стали принимать практически всех учащихся и студентов, в результате чего движение «красной охраны» утратило свою социальную однородность.

Деятельность хунвэйбинов вдохновлялась самим Мао Цзэдуном и высшими партийными работниками: Линь Бяо, Чжоу Эньлаем, Цзян Цин. Так, с 18 августа по 26 ноября 1966 года в Пекине на площади Тяньаньмэнь было проведено восемь встреч (массовых митингов) Мао Цзэдуна с хунвэйбинами, на которых присутствовало около 11 миллионов человек [Бурлацкий, 1979, с. 131; Ли Чжисуй, 1996б, с. 197; Усов, 2003, с. 359]. Согласно исследователю А. В. Панцову, «наиболее грандиозными были демонстрации 25 и 26 ноября», в которых участвовало 2,5 миллиона «революционных студентов» [Панцов, 2012, с. 678]. По свидетельству Ли Чжисуя, «чтобы увидеть своего великого вождя», хунвэйбины стекались в Пекин из самых дальних районов страны [Ли Чжисуй, 1996б, с. 197]. Такие массовые встречи должны были вселить в них уверенность в том, что их действия и атака на партийные комитеты поддерживаются и поощряются лично Мао Цзэдуном. 23 августа 1966 года, в день создания Главного штаба хунвэйбинов, «Жэньминь жибао» (ежедневная газета, официальное печатное издание ЦК КПК) опубликовала передовую статью, в которой открыто призвала хунвэйбинов к атаке на партийные комитеты.

Словно в унисон этому призыву на всех массовых митингах хунвэйбинов великий кормчий появлялся в военной форме [Делюсин, 1967, с. 15], в результате чего для всего Пекина стало очевидным, что «Мао Цзэдун переделал со смыслом» [Желоховцев, 1973, с. 200]. Согласно А. Н. Желоховцеву, «он дал понять всем и каждому, что партия ему враждебна, и против нее, против затаившихся в ней своих врагов он и направляет удар “культурной

революции”» [Там же]. Данная декларация на встрече с хунвэйбинами была настолько важна для Мао Цзэдуна, что он появился на одном из митингов (25 ноября 1966 года) в одной только военной форме (без пальто) даже тогда, когда температура упала до семи градусов ниже нуля по цельсию, имея при этом в качестве хронического заболевания частые приступы бронхита [РГА-СПИ, ф. 495, оп. 225, д. 71, т. 4, л. 10—13]. По свидетельству А. Н. Желоховцева, «зеленая армейская форма напоминала, что за всем шумом, гамом и столпотворением стояла сила штыка, верная лично Мао Цзэдуну армия, которую маршал Линь был готов бросить в дело по мановению его руки, если понадобится» [Желоховцев, 1973, с. 200]. Известный американский журналист Э. Сноу, преподававший в Пекинском университете и неоднократно бравший интервью у Мао Цзэдуна, беседовавший о нем с рядовыми солдатами, также подтверждает большой личный авторитет Мао в армейских кругах и его духовную близость с солдатами [Snow, 1961, p. 87].

Армия и органы госбезопасности стояли не только за спиной Мао Цзэдуна, но и за спиной хунвэйбинов, молодых революционеров, направляя их действия по указанию Мао Цзэдуна и призывая их во всем учиться у НОАК [Сидихменов, 1969, с. 132]. Движение хунвэйбинов тщательно маскировало механизм «культурной революции»: «Наблюдая за ним, так сказать, снизу, трудно было определить, где кончается инициатива самих хунвэйбинов и где начинается выполнение директив» [Желоховцев, 1973, с. 206]. «Главным условием всей этой “революционной” деятельности, — как отмечает очевидец А. Н. Желоховцев, — была безнаказанность, которую обеспечивали контролируемая маоистами армия и карательные органы» [Там же].

Начало движения «красной охраны» было относительно безобидным, порой даже комичным: старые, традиционные названия улиц и площадей Пекина заменялись на «революционные», «антиревизионистские», «антиимпериалистические» [Делюсин, 1967, с. 16]. Уничтожению подлежали реакционные вывески магазинов, ресторанов, парикмахерских, швейных, сапожных и иных мастерских. Из продажи были изъяты одеколон, духи, пудра и другие парфюмерные изделия, заключавшие в себе «опасность буржуазного разложения» [Там же]. Аквариумы с золотыми рыбками, которые были примечательной деталью многих китайских домов, выносились на улицу и разбивались [Усов, 2003, с. 361]. Разведение цветов, любовь к канарейкам, кошкам и собакам также расценивались как феодальные пережитки [Шорт, 2001, с. 511]. Хунвэйбины предложили изменить цветовое назначение светофорных сигналов, «ибо, по их мнению, “двигаться вперед можно только на красный свет”, поскольку “красный цвет — это цвет революции, а зеленый символизирует яд”» [Делюсин, 1967, с. 16].

По сведениям пекинских корреспондентов, изложенным в работе Л. П. Делюсина, хунвэйбины приказали «всем носящим узкие брюки и остроносую обувь в двухдневный срок <...> расширить или укоротить брюки, а из остроносых ботинок, “если жалко выбросить”, сделать босоножки» [Бовин и др., 1968, с. 74; Делюсин, 1967, с. 16]. В приказе также отмечалось, что «если по истечении двух дней на ком-либо будут замечены такие брюки и обувь, то прямо на месте брюки будут укорочены, а носки ботинок обрезаны» [Там же]. Длинные косы у девушек и женщин также считались феодальной традицией, поэтому их необходимо было в срочном порядке остричь, в противном случае короткую «революционную» стрижку прямо на улице делали сами хунвэйбины [Усов, 2003, с. 361].

Требования, которые надлежало исполнять всем жителям города, а также конкретные шаги своей деятельности хунвэйбины излагали в листовках и дацзыбао. Прежде всего, они обязывали население усилить изучение и пропаганду идей Мао Цзэдуна, портреты которого необходимо было вывесить на каждой улице, в каждом дворе и каждой семье. Улицы городов Китая, в частности улица Чаоян в самом центре Пекина, были похожи на картинные галереи с портретами Мао Цзэдуна различных размеров, цветов и возраста изображенного вождя. В своих воззваниях хунвэйбины также призывали каждого китайца все время носить с собой красную книжечку с изречениями Мао Цзэдуна, постоянно изучать ее и во всех делах поступать в соответствии с тем, что в ней написано [Яковлев, 1981, с. 194; Яковлев ...]. По словам Г. Киссинджера, маленькая красная книжечка цитат Мао Цзэдуна, составленная Линь Бяо в 1964 году, стала символом «культурной революции» в Китае [Киссинджер, 2014, с. 216].

3. Усиление террористических методов борьбы в «движении красной охраны» в Китае. Разгром государственных органов власти

Вскоре то, что на первых порах могло быть воспринято с улыбкой, начало обретать трагедийную окраску. Согласно Ли Чжисую, ощутив поддержку Мао Цзэдуна, хунвэйбины «стали безудержными» в своих поисках лиц, подозреваемых в «буржуазных» тенденциях [Ли Чжисуй, 19966, с. 198]. Даже Ли Чжисуй, личный врач Мао Цзэдуна, мог чувствовать себя в безопасности только тогда, когда находился в Чжуаньхэе (пекинской резиденции высшего руководства КНР) рядом с Мао. Супруга Ли Чжисуй, Лилиан, опасаясь за жизнь своего мужа, даже уговаривала его не ночевать дома [Там же].

В Пекине начались погромы, «красные охранники» стали «врываться в частные дома, пытаться найти свидетельства антипатии их жителей к социализму» [Там же]. Согласно данным, представленным зарубежным

исследователем Ф. Шортом, в течение осени 1966 года до трети всех пекинских жилищ подверглись регулярным обыскам хунвэйбинов, в ходе которых конфисковались имущество и материальные ценности семей (книги, свитки с каллиграфией, ювелирные изделия, музыкальные инструменты, живопись, фарфор, старые фотографии и многое другое) [Шорт, 2001, с. 511]. Жители зачастую лишались крова над головой и высылались из Пекина: так, в частности, в течение месяца в августе — сентябре 1966 года обыскам и ссылкам в столице были подвергнуты 85 тысяч 198 человек [Киссинджер, 2014, с. 214].

Натиску хунвэйбинов, помимо жилых домов, подверглись также места и здания общественного назначения: в самом Пекине 4922 из 6843 исторических и культурных памятников были уничтожены. Пурпурный запретный город (Цзыцзиньчэн), «сердце императорского Китая», самый обширный дворцовый комплекс в мире, находящийся в центре Пекина и выступающий образцом китайской традиционной архитектуры, удалось спасти от разграбления и разрушения только благодаря личному вмешательству Чжоу Эньлая, пославшего батальон, чтобы охранять город [Thurston, 1987, p. 101—103; MacFarquhar et al., 2006, p. 118—120].

Однако главный удар юные революционеры должны были направить на центральные и местные партийные комитеты, а также на комсомольские организации и профсоюзы. Чувствуя угрозу своей личной власти под флагом преобразований «культурной революции», Мао Цзэдун призывал свергнуть тех, кто находился у власти и шел по капиталистическому пути, кто вынашивал планы реставрации капитализма [Yan Jiaqi et al., 1996, p. 1—7]. Как писал очевидец событий советский корреспондент М. И. Яковлев, «с выходом хунвэйбинов на улицы китайских городов и сел, по существу, началось открытое наступление Мао и его группы на КПК и государственные органы власти на всех уровнях» [Яковлев ...]. О том, что хунвэйбины, охваченные идеологической лихорадкой и действовавшие вне закона, не подчинялись, а зачастую открыто выступали против обычных государственных структур, пишет и зарубежный исследователь Г. Киссинджер, лично общавшийся с Мао Цзэдуном. Он указывает также на то, что в годы так называемой «великой пролетарской культурной революции», которая, по сути, являлась гражданской войной, «ни один из государственных институтов не избежал шедших волна за волной потрясений» [Киссинджер, 2014, с. 213—214].

В Пекине, Тяньцзине, Харбине, Ухани, Хэфее, Сиани, Гуаньчжоу, Гуйяне, Наньчане, Фучжоу и многих других городах хунвэйбины врываются в здания парткомов и, нападая на партийных работников, требовали от них

признаний и публичных покаяний в отступничестве от идей Мао Цзэдуна. При этом хунвэйбины издевались над партийными работниками, заслуженными революционерами, оплеывали их, возили на машинах по улицам с оскорбительными ярлыками на груди, на голову надевали шутовские колпаки, заставляли часами выстаивать на палящем солнце и выслушивать унижительные ругательства.

Как пишет В. Н. Усов, автором-пропагандистом этих методов глумления, в частности использования шутовского колпака и черной таблички с надписью-обвинением («нечисть», «черный бандит», «ревизионист», «контрреволюционер», «помещик», «буржуазный элемент» и т. п.), являлся «китайский Берия», «владыка ада» Кан Шэн, активно подстрекавший военизированные отряды хунвэйбинов к революционной борьбе [Усов, 2003, с. 361], которая, по словам Мао Цзэдуна, должна была, «встряхнуть людей» [Маоизм ..., 1980, с. 200], дать возможность исправиться тем, кто совершил ошибки [Выступления ..., 1976, с. 215]. Однако возможность «исправления» совсем не входила в планы фанатичных хунвэйбинов, которые во многих случаях убивали партийных работников, представителей интеллигенции из сферы культуры и образования или доводили их до самоубийства (как в случае с самой первой жертвой, известным писателем КНР Лао Шэ [Усов, 2003, с. 361—364]). Известны факты жесточайших допросов, в ходе которых применяли до 100 видов изощренных пыток, не уступающих фашистским, в отношении ни в чем не повинных людей, которые зачастую не выдерживали мучений [Там же, с. 368]. Мао Цзэдун по этому поводу лишь замечал, что «нельзя совсем не убивать, но нельзя убивать многих» [Маоизм ..., 1980, с. 200], ограждая этими словами скорее самого себя от возможности обвинения в массовой гибели людей.

Однако, как отмечает Г. Киссинджер, «сцены жестокости разворачивались по всей стране» [Киссинджер, 2014, с. 214]. Согласно далеко не полным сведениям Пекинского отделения министерства общественной безопасности КНР, хунвэйбинами в столице в течение одного только месяца (с конца августа по конец сентября 1966 года) были убиты 1722 человека, а под Пекином в коммунах уезда Дасин в течение всего нескольких дней (с 27 августа по 1 сентября 1966 года) — 325 человек, в том числе старики и дети (самому старшему из убитых было 80 лет, самому младшему — всего 38 дней от роду) [Усов, 2003, с. 364]. «Результатом стало потрясающее смертоубийство как людей, так и учреждений, поскольку органы власти и управления в Китае один за другим — включая высшие органы компартии — пали под ударами идеологической шокотерапии отрядов подростков» [Киссинджер, 2014, с. 214].

Действия хунвэйбинов, имевшие откровенно уголовную окраску, не встречали никаких препятствий ни со стороны организаторов культурной революции, которые, напротив, уверяли, что революционные учащиеся «поступают замечательно», ни со стороны правоохранительных органов [Бовин и др., 1968, с. 85]. Более того, прямую поддержку хунвэйбинам оказывал генерал-полковник Се Фуечжи, министр общественной безопасности КНР, лично обратившийся к сотрудникам милиции с призывом не вмешиваться в действия хунвэйбинов, поскольку это проявление революционной энергии масс. Еще в июле 1966 года на одном из партийных совещаний Мао Цзэдун говорил о том, что в «культурной революции» «следует опираться только на революционных преподавателей и учащихся» [Маоизм ..., 1980, с. 201]. «В настоящее время сложилось положение, — продолжал Мао Цзэдун, — когда повсюду на первом месте стоит боязнь беспорядков. Сейчас занятия в учебных заведениях приостановлены, но питание выдается. А когда поешь, то появляется энергия, появляется желание устроить беспорядки. <...> Беспорядки — это и есть революция» [Там же]. «Смуту можно делать, только опираясь на учащихся» [Там же]. «Если не заниматься смутой, то что же делать?» [Там же] — вопрошал Мао Цзэдун, подбадривая хунвэйбинов «туманными лозунгами» («Бунт — дело правое!», «Огонь по штабу!») и поощряя их «“яростные нападки” на существовавший бюрократический аппарат компартии и традиционные общественные нормы» [Киссинджер, 2014, с. 214].

4. Рост сопротивления движению «красной охраны» в Китае. Участие в революционном строительстве вооруженных сил

Однако не все злодеяния, чинимые «юными революционерами», сходили им с рук, поскольку возмущенное население зачастую оказывало поддержку партийным комитетам, а не хунвэйбинам. В конце августа 1966 года в Циндао, крупном портовом городе страны, произошло одно из первых кровавых столкновений хунвэйбинов с населением, в результате чего погибло 14 человек [Яковлев, 1981, с. 87]. Подобные кровавые столкновения происходили и в других городах Китая, в частности, в Ухани, Тайюани, Гуйяне, Тяньцзине, где сопротивление населения хунвэйбинам было настолько сильным, что властям для устрашения жителей пришлось ввести публичную смертную казнь [Там же]. 23 августа 1966 года в газете «Жэньминь жибао» было заявлено о том, что все действия хунвэйбинов — «революционные и законные», и кто выступает против них, «тот идет прямо вразрез с указаниями председателя Мао Цзэдуна и нарушает постановление Центрального Комитета партии» [Делюсин, 1967, с. 17]. Данное заявление свидетельствовало о том,

что отряды «красной охраны» были поставлены над партийными организациями, которым следовало «скромно учиться у маленьких застрельщиков революции», «вести себя смирно и послушно» [Там же].

Согласно свидетельствам очевидца М. И. Яковлева, «в ноябре — декабре 1966 года, а кое-где и несколько раньше» началась новая фаза «культурной революции», которая, нанеся удар по областным парткомам, стала распространяться на производство. Усилилось проникновение на заводы и фабрики хунвэйбинов, учинявших бесчинства в отношении административных работников и вносивших хаос в производственную деятельность [Яковлев ...]. Ответом на эти процессы стала волна забастовок в стране, охватившая Пекин, Шэньян, Нанкин, Шанхай, Сиань, Чунцин, Фулаэрци, Цзинань, Урумчи и другие города [Делюсин, 1967, с. 24]. Рабочие активно выражали свое недовольство грубым вмешательством хунвэйбинов в дела фабричных и заводских коллективов, направляли в Пекин делегации для передачи руководству КПК своих требований, организовывали отряды защиты предприятий. В Пекин с петициями протеста против бесчинств хунвэйбинов обратились даже рабочие знаменитых Дацинских нефтепромыслов, которые считались «преданными и верными идеям Мао», воспринимались как образец применения его идей [Бовин и др., 1968, с. 99—100].

В этих условиях организаторы культурной революции решили взять курс на раскол рабочего класса. Разогнав в конце декабря 1966 года руководящие органы Всекитайской федерации профсоюзов и ее отделений, маоисты приступили к созданию отрядов цзаофаней («бунтарей»), которые формировались, как правило, из низкоквалифицированных молодых и временных рабочих [Яковлев ...]. А. Е. Бовин и Л. П. Делюсин пишут, что эти отряды были созданы в противовес партийным комитетам и местным профсоюзным организациям и «использовались для нанесения ударов по рабочему классу, разложения его изнутри» [Бовин и др., 1968, с. 99—100].

Еще одним шагом в направлении подавления сопротивления мероприятиям «культурной революции» стала кампания по захвату власти, развернувшаяся в январе 1967 года [Усов, 1991, с. 159]. По своей сути эта кампания, напрямую связанная с движением хунвэйбинов и цзаофаней, представляла собой политический переворот, направленный на захват власти у государственных органов управления (партийных и народных комитетов). Особенно напряженная обстановка сложилась в Пекине, Шанхае, Тяньцзине и на Северо-Востоке страны [Бовин и др., 1968, с. 101].

В частности, серьезная попытка сопротивления кампании по захвату власти имела место в Шанхае, крупнейшем промышленном центре Китая, где рабочие ряда заводов и фабрик прекратили работу. Причем одни сдела-

ли это под предлогом участия в «культурной революции», другие, напротив, — в знак протеста против нее, что являлось прямым свидетельством раскола рабочего класса. Однако основная масса рабочих поддержала шанхайский горком и народный комитет, которые в интересах рабочих и служащих приняли ряд мер по улучшению их положения (была увеличена заработная плата, решались материально-бытовые проблемы, осуществлялись необходимые дополнительные выплаты) [Делюсин, 1967, с. 24]. Маоисты обвинили шанхайские власти в проявлении «экономизма», в «контрнаступлении на экономическом фронте», усмотрев в их действиях «буржуазную реакционную линию» [Там же], и развернули против них широчайшую кампанию разгрома, основной карательной силой которой явились хунвэйбины и цзаофани. К середине января 1967 года забастовки рабочих Шанхая удалось подавить, было объявлено о провозглашении Шанхайской народной коммуны, наряду с которой были организованы также коммуны и в других городах, в частности, в Пекине.

Значимость «великой январской революции» 1967 года, завершившейся победой маоистов над шанхайским горкомом, для них самих была действительно очень велика: ведь если бы опыту Шанхая последовали и другие города в Китае, то ход «культурной революции» мог бы кардинальным образом измениться, причем далеко не в пользу Мао Цзэдуна и его сторонников. В четвертом номере журнала «Китай на стройке» за 1967 год сообщалось, что разразившаяся в Шанхае «революционная буря охватила всю страну и двинула великую пролетарскую культурную революцию на новый этап, этап широкого объединения пролетарских революционеров, на захват власти у горстки облеченных властью в рядах партии, идущих по капиталистическому пути» [Яковлев, 1981, с. 214]. Характеристика внутривластной обстановки Китая тех лет содержится также в мемуарах Ли Чжисюя, который пишет о том, что к январю 1967 года «культурная революция» действительно «бушевала по всей стране»: в ход пускалось оружие, партийные и правительственные учреждения были парализованы, промышленное производство падало (в некоторых местах предприятия остановились вообще), транспорт разрушался [Ли Чжисуй, 1996б, с. 207]. Способствуя накалу революционных страстей, Линь Бяо и Цзян Цин призывали хунвэйбинов к свержению всех существующих порядков и к продолжению гражданской войны. То, что происходило тогда в Китае, действительно можно было назвать гражданской войной, поскольку, по словам Ли Чжисюя, «страна разделилась»: сторонники компартии старались изо всех сил оказывать сопротивление группам воинственных хунвэйбинов, продолжавшим нападать на партийные комитеты и правительственные учреждения [Там же].

Ли Чжисуй отмечает, что борьбу парткомов против хунвэйбинов осложняли внутренние разногласия: «... В парткомах не было мира, — писал Ли Чжисуй, — их руководители яростно выступали друг против друга, причем каждый надеялся взять верх и захватить власть» [Там же]. Однако в целом, как указывал Ли Чжисуй, сопротивление парткомов было значительным: «Партийные комитеты за многие годы получили слишком большую власть, чтобы их легко можно было свергнуть» [Там же]. Причем сила этого сопротивления была настолько велика, что в конце января 1967 года Мао Цзэдуну пришлось открыто призвать армию, чтобы поддержать «красных охранников» [Там же]. Об этом «великом призыве» вождя в своих воспоминаниях писал не только Ли Чжисуй, но и многие советские корреспонденты, побывавшие в то время в Китае, в частности М. Яковлев, отмечавший, что «свой приказ о приведении армии в действие Мао отдал <...> еще 21 января 1967 года» [Яковлев ...]. Именно тогда ему стало известно о сопротивлении «культурной революции», оказанном в провинции Аньхуэй, и он незамедлительно поспешил заявить Линь Бяо о том, что для поддержки «левых, широких масс» необходимо задействовать Народную освободительную армию Китая (НОАК) [Там же; Маоизм ..., 1980, с. 206]. Данный шаг, когда Мао Цзэдун в поддержку действий хунвэйбинов выдвинул против партии армию, привлек внимание зарубежных исследователей, в частности Р. Макфаркуара и М. Шенхалса, назвавших действия китайского вождя беспрецедентной акцией, не имеющей аналогов в истории коммунистических стран. В то же время исследователи, документирующие в ужасающих деталях состояние революционного хаоса, указывают также и на то, что армейские батальоны в Китае использовались для контроля и даже сдерживания действий хунвэйбинов, как, например, в случае с охраной Пурпурного запретного города (резиденции китайских императоров), однако такие действия были единичны [MacFarquhar et al., 2006, p. 118—120].

Несмотря на то, что Мао Цзэдун считал армию решающей силой в «культурной революции», чистки были проведены и в ее рядах. 14 января 1967 года в передовой статье армейской газеты «Цзефанцзюнь бао» появилась избобличающая статья с характерной обвинительной формулировкой, согласно которой объектом «культурной революции» в армии являлась «горстка облеченных властью и идущих по капиталистическому пути» [Усов, 2003, 382]. Примечательно, что накануне, 13 января 1967 года, в высших правительственных кругах был сформирован особый список лиц, которые защищались от критики силой закона. Первоначально в этот список входили только два человека — Мао Цзэдун и Линь Бяо, однако вскоре в него были включены Цзян Цин, Кан Шэн и Чень Бода. 19 января

1967 года ближайший соратник Мао Цзэдуна Чень Бода, имевший статус неприкосновенного лица и наряду с Линь Бяо, единственным заместителем и преемником Председателя, входивший в постоянный комитет Политбюро [РГАСПИ, ф. 495, оп. 225, д. 71, т. 3, л. 104—105], обвинил НОАК в «обуржуазивании» [Там же]. Результатом борьбы с «буржуазной реакционной линией» в армии стали репрессии, затронувшие свыше 70 процентов командных кадров. Согласно официальным данным, опубликованным в ноябре 1980 года на страницах китайской печати (газеты «Жэньминь жибао» и «Цзефанцзюнь бао»), в Народной освободительной армии Китая от клеветы и травли пострадали 80 тысяч человек, 1169 высокопоставленных военных погибли [Там же]. Таким образом, вооруженные силы, принимавшие прямое участие в подавлении сопротивления противников «культурной революции», сами стали объектом репрессий.

К весне 1967 года в Китае произошло резкое обострение внутривнутриполитического кризиса, что проявилось в росте силы сопротивления мероприятиям «культурной революции». В итоге с мая по июль 1967 года маоисты, опиравшиеся на хунвэйбинов и цзаофаней, так и не смогли отстранить от дел значительный слой партийного актива, по-прежнему сохранявшего заметное влияние в стране. Не сумели они также предотвратить широкие, хотя и разрозненные рабоче-крестьянские выступления в защиту партии и социалистических завоеваний Китая, поддержанные частью командного состава армии [Делюсин, 1967, с. 27], а также частью тех хунвэйбинов и цзаофаней, которые откололись от общего движения «красных охранников» и «бунтарей» [Яковлев ...]. По мнению М. Яковлева, очень сложно было оценить, сколько людей тогда шло за Мао Цзэдуном, а сколько против него. Так, например, один из предводителей пекинских хунвэйбинов Куай Дафу, отметив опасность революционного накала страстей, заявил, что «не уверен, будут ли во время решающей битвы хотя бы 50 процентов населения поддерживать председателя Мао» [Там же]. В стране все явственнее назревал хаос, последствия которого трудно было предвидеть и контролировать. Более того, в рядах «защитников» Мао Цзэдуна (хунвэйбинов и цзаофаней) уже давно начались распри, доходившие до кровавых столкновений и принявшие настолько широкий размах, что журнал «Хунци» был вынужден обратиться к ним с призывом покончить с анархизмом и объединиться, усилить организованность и дисциплину.

Именно тогда для Мао Цзэдуна стало очевидным, что движение хунвэйбинов в своем чистом виде исчерпало себя и для борьбы с оппозицией требуются новые методы. Согласно мнению Ф. М. Бурлацкого, «эра хунвэйбинов подошла к концу» еще в начале 1967 года, «когда было официаль-

но объявлено об установлении военного контроля над партийными и государственными органами» [Бурлацкий, 1979, с. 134]. В феврале 1967 года Мао Цзэдун заявил о том, что «среди хунвэйбинов есть ненадежные», что большинство из них являются детьми высокопоставленных кадровых работников, таких как Хэ Лун, Лу Дини [Маоизм ..., 1980, с. 206]. Маршал Хэ Лун, в частности, попавший в список жертв «культурной революции», «за антипартийную деятельность» в 1966 году был снят со всех постов и умер в заключении, испытав, по словам исследователя А. В. Панцова, страшные муки ада [Панцов, 2012, с. 680]. Если принять во внимание участь Хэ Луна, слова Мао Цзэдуна в отношении «ненадежных хунвэйбинов» прозвучали словно приговор целому движению, на которое он больше не желал и не мог полагаться. Как указывает Ф. М. Бурлацкий, ссылаясь на западную корреспонденцию, на одном из митингов в июле 1968 года Мао Цзэдун, «не скрывая слез», говорил хунвэйбинам: «Вы предали меня, и, более того, в вас разочаровались рабочие, крестьяне и солдаты Китая!» [Бурлацкий, 1979, с. 134]. По свидетельству Ф. М. Бурлацкого, в печати появилось сообщение о том, что Мао Цзэдун прислал корзину плодов манго рабочим и крестьянам, которые пропагандировали его «идеи» среди студентов Пекинского университета [Там же, с. 134—135]. Получив этот нехитрый подарок, «люди радовались, рыдали и выкрикивали изречения Мао» [Там же]. По мнению Ф. М. Бурлацкого, «таким путем Мао дал понять о закате эры хунвэйбинов и о поощрении бригад из рабочих и крестьян, занятых пропагандой маоизма» [Там же]. Хунвэйбины, некогда воспитывавшие весь Китай посредством методов жестокого террора, теперь сами подлежали перевоспитанию через трудовые работы в сельской местности, поскольку в их среде было очень много неблагонадежных элементов (по словам самого Мао Цзэдуна, большая часть студенчества, особенно гуманитарии, без воздействия воспитательных мер культурной революции «рисковала заняться ревизионизмом») [Маоизм ..., 1980, с. 207].

5. Выводы

Таким образом, первые годы «культурной революции» (1966—1967) характеризовались чрезвычайно высокой активностью студенческой и школьной молодежи, организованной в отряды хунвэйбинов («красной охраны»), основной революционной целью которых являлось устранение противников Мао Цзэдуна на фоне беспредельного возвеличивания его культа. Первоначальной областью развертывания карательных действий хунвэйбинов явилась профессорско-преподавательская среда, сфера образования: удар был направлен против интеллигенции. Тактически это

было очень важное направление в движении хунвэйбинов, поскольку деятельность интеллигенции в сфере культуры, науки и образования была напрямую связана с идеологией, которую Мао Цзэдун считал основой основ в государственном строительстве. Интеллигенция стала исходной социальной зоной, от которой огонь революционной борьбы распространился на органы партийно-государственного аппарата (главную мишень «революционного» удара хунвэйбинов).

Портрет «великого вождя» предстает поистине пугающим, когда становятся известными его слова прямого призыва к беспорядочной смуте и откровенному хаосу, когда вождь спокойно говорит о том, что занятия в вузах приостановлены, но выдается питание, от которого в молодом организме появляется энергия и желание устроить беспорядки, и их не нужно бояться, ведь они и есть революция. Без стеснения Мао Цзэдун использовал также понятие «смуты», которая наряду с беспорядками есть проявление революции, выражение энергии революционных масс. Смуту, по мнению Мао Цзэдуна, можно было создавать, только опираясь на учащих (хунвэйбинов), которых он стремился использовать как слепую карательную силу, способную навести абсолютный порядок. И здесь в рассуждениях Мао Цзэдуна может быть вскрыто и выявлено одно очень важное противоречие: он явно полагал и открыто декларировал, что абсолютный хаос может создать абсолютный порядок, основным критерием которого является глубокая идеологическая однородность, суть которой заключена в его идеях. Многочисленное население Китая стало заложником личных амбиций вождя, стремившегося во что бы то ни стало утвердить и сохранить свою личную власть, пресечь даже самую мысль о возможном с ним несогласии. Мао Цзэдун не хотел быть первым среди равных, он хотел быть единственным.

Борьбу со своими соперниками Мао Цзэдун осуществлял под флагом борьбы с ревизионизмом. При этом особенно обращает на себя внимание тот факт, что обвинялась «горстка» стоящих у власти, идущих по капиталистическому пути, а громили в период движения хунвэйбинов, в прямом смысле слова, всю страну. Очевидно, Мао Цзэдун не до конца был уверен, что многочисленные массы Китая поддержат его. Создание списка неприкосновенных лиц, то есть лиц, которые защищались от возможной критики силой закона, с одной стороны, свидетельствовало о том, что «культурная революция» в обвинительно-карательных акциях хунвэйбинов набрала достаточно масштабные обороты, с другой стороны, указывало на явное нарушение принципов коллективного руководства страной и вскрывало имена основных карателей многочисленной страны.

Движение хунвэйбинов практически парализовало страну как в политическом, так и в социально-экономическом смысле, позволив Мао Цзэду, с одной стороны, нанести чудовищный удар по всей политической системе, заключавшей в себе оппозицию, с другой стороны, чисто в тактическом смысле, остаться непричастным тем массовым бесчинствам и злодеяниям, которые творили хунвэйбины, способные предъявить обвинение в ревизионизме случайному прохожему, первому попавшемуся человеку, в квартиру которого они ворвались. Движение хунвэйбинов стало одним из механизмов не только подавления оппозиции, но и нагнетания тотального страха в многомиллионной стране, выступавшего ключевым условием упрочения личной диктатуры и культа Мао Цзэдуна.

Источники и принятые сокращения

1. *Босев К.* Тайфун. Записки из Китая / К. Босев. — Москва : Издательство политической литературы, 1978. — 344 с.
2. *Выступления и статьи Мао Цзэдуна разных лет, ранее не публиковавшиеся в печати* : сборник / ред. О. Борисова, М. Титаренко. — Москва : Прогресс, 1976. — Выпуск 6. — 315 с.
3. *Желоховцев А. Н.* «Культурная революция» с близкого расстояния (записки очевидца) / А. Н. Желоховцев. — Москва : Политиздат, 1973. — 262 с.
4. *Ли Чжисуй.* Мао Цзэдун. Записки личного врача : в 2 книгах / Ли Чжисуй. — Минск : Интер-Дайджест, 1996а. — Книга 1. — 1996. — 384 с.
5. *Ли Чжисуй.* Мао Цзэдун. Записки личного врача : в 2 книгах / Ли Чжисуй. — Минск : Интер-Дайджест, 1996б. — Книга 2. — 1996. — 368 с.
6. *Маоизм без прикрас*: некоторые уже известные, а также ранее не опубликованные в китайской печати высказывания Мао Цзэдуна / ред. О. Е. Владимиров. — Москва : Прогресс, 1980. — 286 с.
7. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 4. Л. 10—13; Ф. 495. Оп. 225. Д. 71. Т. 3. Л. 104—105.
8. *Яковлев М. И.* 17 лет в Китае / М. И. Яковлев. — Москва : Политиздат, 1981. — 320 с.
9. *Яковлев М. И.* Китай 60-х годов (из записок очевидца) [Электронный ресурс] / М. И. Яковлев. — Режим доступа : <https://biblio.kz/m/articles/view/Китай-60-х-годов>.
10. *Zhou Enlai.* On the Question of Intellectuals / Zhou Enlai // *Communist China 1955—1959: Policy Documents with Analysis* / R. B. Bowie, J. K. Fairbank (eds). — Cambridge : Center for International Affairs, 1962. — P. 128—144.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарева В. В.* Отечественные и зарубежные исследователи о роли, сущности и хронологии «культурной революции» 1966—1976 гг. в Китае / В. В. Бондарева // *Альманах современной науки и образования*. — 2015. — № 10 (100). — С. 24—29.
2. *Бурлацкий Ф. М.* Мао Цзэдун и его наследники / Ф. М. Бурлацкий. — Москва : Международные отношения, 1979. — 400 с.

3. Бовин А. Е. Политический кризис в Китае : события и причины / А. Е. Бовин, Л. П. Делюсин. — Москва : Политиздат, 1968. — 184 с.
4. Делюсин Л. П. Культурная революция в Китае / Л. П. Делюсин. — Москва : Знание, 1967. — 48 с.
5. Елисеев Г. П. Кричащие батальоны. Так называемая «великая пролетарская культурная революция» Китая вблизи / Г. П. Елисеев, А. С. Крушинский, В. Б. Милютенко. — Москва : Молодая гвардия, 1967. — 128 с.
6. Киссинджер Г. О Китае / Г. Киссинджер; перевод с английского В. И. Верченко. — Москва : АСТ, 2014. — 635 с.
7. Панцов А. В. Мао Цзэдун / А. В. Панцов. — Москва : Молодая гвардия, 2012. — 867 с.
8. Сидихменов В. Я. Против фальсификации марксистско-ленинского учения о классах и классовой борьбе / В. Я. Сидихменов // Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэдуна : сборник статей / ред. М. И. Сладковский. — Москва : Политиздат, 1969. — С. 125—130.
9. Усов В. Н. Китайский Берия Кан Шэн / В. Н. Усов. — Москва : Олма-пресс, 2003. — 479 с.
10. Усов В. Н. «Культурная революция» в Китае / В. Н. Усов // Китай : история в лицах и событиях. — Москва : Политиздат, 1991. — С. 157—160.
11. Фан Сяо. Китайские СМИ раскрывают запрещенные страницы истории Китая [Электронный ресурс] / Фан Сяо. — Режим доступа : www.epochtimes.ru/content/view/full/62997/4.
12. Шорт Ф. Мао Цзэдун / Ф. Шорт; перевод с английского Ю. Г. Кирьяка. — Москва : АСТ, 2001. — 608 с.
13. Goidman M. The Chinese Communist Party's «Cultural Revolution» of 1962—1964 / M. Goidman // Ideology and Politics in Contemporary China. — Seattle : Washington University Press, 1973. — P. 219—254.
14. His-sheng Ch'i. Politics of Disillusionment: The Chinese Communist Party under Deng Xiaoping, 1978— 1989 / His-sheng Ch'i. — Armonk, New York : M. E. Sharpe, Inc., 1991. — 328 p.
15. Leberhal K. The Great Leap Forward and the Split in Yan'an Leadership: 1958—1965 / K. Leberhal // The Politics of China: 1949—1989. — New York : Cambridge University Press, 1993. — P. 87—147.
16. MacFarquhar R. Maos Last Revolution / R. MacFarquhar, M. Schoenals. — Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2006. — 693 p.
17. Meisner M. Mao's China: A History of the People's Republic / M. Meisner. — New York : Simon and Schuster, 1977. — 587 p.
18. Snow E. Red Star over China / E. Snow. — New York : Grove press, Inc., 1961. — 529 p.
19. Thurston Anne F. Enemies of the People / Anne F. Thurston. — New York : Alfred A. Knopf, 1987. — 323 p.
20. Xing Lu. Rhetoric of the Chinese Cultural Revolution: The Impact on Chinese Thought, Culture, and Communication / Xing Lu. — Columbia : University of South Carolina Press, 2004. — 250 p.
21. Yan Jiaqi. Turbulent Decade: A History of Cultural Revolution / Yan Jiaqi, Gao Gao. — Honolulu : University of Hawai'i Press, 1996. — 659 p.

RED GUARD MOVEMENT IN THE FIRST YEARS OF “CULTURAL REVOLUTION” IN CHINA (1966—1967): VIEW OF DOMESTIC AND FOREIGN RESEARCHERS

© Viktoriya V. Bondareva (2020), orcid.org/0000-0002-7316-1484, SPIN 9877-9800, Researcher ID E-1305-2015, PhD in History; associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State Technological University” (Krasnodar, Russia), lotus_blanc@mail.ru.

The article analyzes the first years of “the cultural revolution” in China (1966—1967), characterized by high revolutionary activity of students and school youth, organized into groups of “red guards”, who were distinguished in their actions by extreme cruelty and fanaticism. From this point of view, the destructive actions of the red guards, which were of a terrorist and mass nature, highlight the main direction of their revolutionary strike, which was inflicted on the party and state apparatus of China. Mao Zedong is presented as the initiator of a mass movement of red guards who used monstrous terrorist methods to fight his opposition and all, from their point of view, not enough politically conscious elements. The hongweibing movement, considered as an instrument of Mao Zedong's struggle with the opposition, allows to reveal in the course of research the personal qualities of a leader who, in the name of establishing his own cult, was not afraid to deliberately plunge the entire country into mass and deeply disorderly turmoil. The detailed description of Mao Zedong's personal attitude to what is happening, based on documentary sources, reveals the deeply dictatorial and anti-democratic nature of his power, which was asserted in the first years of “the cultural revolution” with the help of the red guards movement.

Key words: People's Republic of China (PRC); Communist party of China (CPC); Mao Zedong; political opposition; revisionism; “cultural revolution”; red guard movement; hongweibings; party and state apparatus; People's Liberation Army of China (PLA).

MATERIAL RESOURCES

- borisova, O., Titarenko, M. (eds.). (1976). *Vystupleniya i stat'i Mao Tszeduna raznykh let, ranee ne publikovavshiesya v pechati*, 6.: sbornik. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Bosev, K. (1978). *Tayfun. Zapiski iz Kitaya*. Moskva: Izdatelstvo politicheskoy literatury. (In Russ.).
- Li Chzhisuy. (1996). *Mao Tszedun. Zapiski lichnogo vracha*, 1. Minsk: Inter-Daydzhest. (In Russ.).
- Li Chzhisuy. (1996). *Mao Tszedun. Zapiski lichnogo vracha*, 2. Minsk: Inter-Daydzhest. (In Russ.).
- RGASPI — Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii. F. 495. Op. 225. D. 71. T. 4. L. 10—13; F. 495. Op. 225. D. 71. T. 3. L. 104—105. (In Russ.).
- Vladimirov, O. E. (1980). *Maoizm bez prikras: nekotorye uzhe izvestnye, a takzhe ranee ne opublikovannye v kitayskoy pechati vyskazyvaniya Mao Tszeduna*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Yakovlev, M. I. (1981). *17 let v Kitae*. Moskva: Politizdat. (In Russ.).
- Yakovlev, M. I. *Kitay 60-kh godov (iz zapisok ochevidtsa)*. Available at: <https://biblio.kz/m/articles/view/Kitay-60-kh-godov>. (In Russ.).
- Zhelokhovtsev, A. N. (1973). «*Kulturnaya revolyutsiya*» s blizkogo rasstoyaniya (*Zapiski ochevidtsa*). Moskva: Politizdat. (In Russ.).
- Zhou Enlai. (1962). On the Question of Intellectuals. In: *Communist China 1955—1959: Policy Documents with Analysis*. Cambridge: Center for International Affairs. 128—144.

REFERENCES

- Bondareva, V. V. (2015). Otechestvennyye i zarubezhnyye issledovateli o roli, sushchnosti i khronologii «kulturnoy revolyutsii» 1966—1976 gg. V Kitae. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 10 (100): 24—29. (In Russ.).
- Bovin, A. E., Delyusin, L. P. (1968). *Politicheskiy krizis v Kitae: sobytiya i prichiny*. Moskva: Politizdat. (In Russ.).
- Burlatskiy, F. M. (1979). *Mao Tszedun i ego nasledniki*. Moskva : Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russ.).
- Delyusin, L. P. (1967). *Kulturnaya revolyutsiya v Kitae*. Moskva: Znaniye. (In Russ.).
- Eliseev, G. P., Krushinskiy, A. S., Milyutenko, V. B. (1967.). *Krichashchiye batalony. Tak nazyvaemaya «velikaya proletarskaya kulturnaya revolyutsiya» Kitaya vblizi*. Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
- Fan Syao. *Kitayskie SMI raskryvayut zapreshchennye stranitsy istorii Kitaya*. Available at: www.epochtimes.ru/content/view/62997/4. (In Russ.).
- Goidman, M. (1973). The Chinese Communist Party's «Cultural Revolution» of 1962—1964. In: *Ideology and Politics in Contemporary China*. Seattle: Washington University Press. 219—254.
- His-sheng, Ch'i. (1991). *Politics of Disillusionment: The Chinese Communist Party under Deng Xiaoping, 1978—1989*. Armonk, New York: M. E. Sharpe, Inc.
- Kissindzher, G. (2014). *O Kitae*. Moskva: AST. (In Russ.).
- Leberhal, K. (1993). The Great Leap Forward and the Split in Yan'an Leadership: 1958—1965. *The Politics of China: 1949—1989*. New York: Cambridge University Press. 87—147.
- MacFarquhar, R., Schoenals, M. (2006). *Maos Last Revolution*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Meisner, M. (1977). *Mao's China: A History of the People's Republic*. New York: Simon and Schuster.
- Pantsov, A. V. (2012). *Mao Tszedun*. Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
- Short, F. (2001). *Mao Tszedun*. Moskva: AST. (In Russ.).
- Sidikhmenov, V. Ya. (1969). Protiv falsifikatsii marksistsko-leninskogo ucheniya o klassakh i klassovoy borbe. In: *Antimarksistskaya sushchnost' vzglyadov i politiki Mao Tszeduna: sbornik statey*. Moskva: Politizdat. 125—130. (In Russ.).
- Snow, E. (1961). *Red Star over China*. New York: Grove press, Inc.
- Thurston Anne F. (1987). *Enemies of the People*. New York: Alfred A. Knopf.
- Usov, V. N. (1991). «Kulturnaya revolyutsiya» v Kitae. In: *Kitay: istoriya v litsakh i sobyitiyakh*. Moskva: Politizdat. 157—160. (In Russ.).
- Usov, V. N. (2003). *Kitayskiy Beriya Kan Shen*. Moskva: Olma-press. (In Russ.).
- Xing, Lu. (2004). *Rhetoric of the Chinese Cultural Revolution: The Impact on Chinese Thought, Culture, and Communication*. Columbia: University of South Carolina Press.
- Yan Jiaqio,, Gao Gao. (1996.). *Turbulent Decade: A History of Cultural Revolution*. Honolulu: University of Hawai'i Press.